

УЧЕНИЕ ОБ ИСТИНЕ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА

Учение об истине — один из важнейших разделов философии Платона. М. Хайдеггер отводит этому разделу даже центральную роль. Понимая под «учением» «несказанное в сказанном», он связывает с учением Платона об истине «перемену в определении существа истины»¹. Разумеется, чтобы составить полное представление о смысле и характере этой перемены, необходимо всестороннее рассмотрение всех диалогов Платона, в той или иной мере касающихся проблемы истины. Не имея возможности сделать это в рамках отдельной статьи, мы остановимся лишь на одном аспекте платоновского учения об истине, который, возможно, имеет решающее значение. Речь пойдет о способе различения «истинного» и «неистинного», т. е. о том, что на привычном нам языке именуется «критерием истины».

Но прежде чем обратиться непосредственно к Платону, заметим, что слово «истинное» имеет двусмысленный характер. Мы можем говорить «истинное» относительно какой-либо вещи, например — истинное золото или настоящий бриллиант; однако это относится также и к разного рода высказываниям и суждениям. Если истина понимается как правильность восприятия и высказывания, то преобладающей становится та точка зрения, что истина изначально принадлежит высказыванию. Разумеется, изначально истинное есть не высказывание о сущем, а само по себе сущее, если вспомнить известное изречение Парменида: одно и то же — мыслить и быть. Высказывание истинно постольку, поскольку оно согласуется с чем-то уже истинным, т. е. с сущим как таковым, если оно есть нескрываемое в своем бытии. Нескрываемость тем самым предполагается, когда истина впоследствии обретает смысл правильности. Кажется, нет особой нужды доказывать, что понимание сущности истины и понимание сущности человеческого бытия — это ответ на один и тот же вопрос. Когда же истина становится правильностью, она уже в меньшей степени соприкасается и принадлежит сущности самого человека. Ведь совсем неубедительно звучит, скажем, такое положение, что человек имеет правильную сущность, поскольку он имеет правильные высказывания.

¹ *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 345.

© Л. С. Камнева, 2005

Основной вывод цитированной выше работы Хайдеггера заключается в том, что в философии Платона истина как несокрытость отделяется от фундаментального и продуктивного опыта постижения всего сущего. Происходит ослабление базисного значения слова ἀλήθεια, причем не только в философии Платона, но и в трудах Аристотеля. «Известным образом Платон вынужден еще сохранить “истину” как черту сущего, поскольку в качестве присутствующего сущее имеет свое бытие в явлении, а явление несет с собой непотаенность. Но в то же время вопрошание о непотаенном переносится на явление вида и тем самым на подчиненное ему видение и на правильность и правильность видения. Поэтому в учении Платона заложена неизбежная двусмысленность. Именно она свидетельствует о не высказанном ранее и теперь выявляемом изменении в существе истины. Двусмысленность со всей остротой обнаруживается в том факте, что обсуждается и описывается *непотаенность* и одновременно подразумевается и на ведущее место становится *правильность*, все это в одном и том же ходе мысли»². Отныне местом истины и лжи оказывается «судящее высказывание разума». «Высказывание называется истинным, коль скоро оно уподобляется положению дел, т. е. оно есть ομοίωσις. Это определение существа истины не содержит уже никакого обращения к алетейе в смысле непотаенности; скорее наоборот, алетейя как противоположное к ψευδός, т. е. к ложному в смысле неправильного (положения. — Л. К.), мыслится как правильность. Отныне печать существа истины как правильности высказывающего представления становится господствующей для всей западной мысли»³.

Когда Платон выясняет сущность истины, он одновременно стремится разъяснить и сущность не-истины, но только в своем особенном смысле. Ведь ясно же, что нескрываемость, т. е. как раз то, чему принадлежит несокрытость, и сама несокрытость — именно такие вещи суть как раз и подлинные. Однако при постижении истины в смысле непотаенности не следует отрицать вопрос о сокрытости как таковой, поскольку каждый, кто изучает и обсуждает сокрытое, тем самым указывает на характер и степень изначальности вопроса о самой по себе нескрываемости. Ведь только из сокрытости исторгается нескрываемость самых различных вещей. Именно борьба против скрываемости свидетельствует о том, как сам человек оценивает свою возможность, силу, недостаток силы или даже бессилие в деле постижения истины.

² Там же. С. 357.

³ Там же. С. 358.

Но что именно есть то, что стоит против истины как несокрытости и ей противопоставляется? Ясно, что это только «не-истина». Мы таким образом сталкиваемся с задачей понимания того, как греки и сам Платон постигали «не-истину»⁴. Вопрос заключается еще и в том, как скрываемость может дать место нескрываемости. Вспомним, что само слово «истина» изначально имеет, можно сказать, приватный, негативный характер, а именно то, что уже не есть больше сокрытое как таковое.

Следует всегда иметь в виду отрицание, которое присутствует в слове 'α-λήθεια, если мы стремимся понять изначальную сущность истины. Древнее слово 'αλήθεια означает также удаление от сокрытого, т. е. противоположной для истины оказывается не-истина, которая окончательно что-либо скрывает. Надлежащее восприятие сущности истины как нескрываемости может быть действенным, если мы изучаем также и не-истину, коль скоро последняя принадлежит сущности самой истины. Тем самым вопрос о сущности не-истины как фундаментальный вопрос о сущности самой истины становится также вопросом, который специфически ориентирован и на сущность человека как такового. Мы не спрашиваем, как правило, о сущности не-истины, поскольку полагаем, что всегда способны понять не-истину, если уже знаем, что есть истина. Ведь каждый из нас ныне знает, что истина, по сути дела, есть собственность того или иного суждения.

Истина есть как раз то, что отрицается в не-истине. Однако, согласно традиционной логике, отрицание чего-либо отрицаемого есть уже положительно утверждаемое. Сама истина есть уже в определенном смысле отрицание. В истине как нескрываемости «не» относится к скрываемости. Тогда истина в смысле слова 'αλήθεια есть уже отрицание, тогда как не-истина, если не упускать из виду традиционную логику, есть некое положительное утверждение⁵. Но не-истина всегда считалась чем-то негативным, незначимым, необоснованным; короче, тем, чего нам следует избегать ради истины и в любом случае преодолеть. Но откуда возникает навязчивость не-истины, если она — просто нечто негативное и сама по себе не обладает собственной положительной силой? Следует ли постигать не-истину иначе, чем просто отрицание истины? Но ведь выше отмечалось, что сама истина как

⁴ Подробно вопрос о не-истине М. Хайдеггер рассматривает при истолковании диалога «Тэтет»: *Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit: zu Platons Hohlengleichnis und Theaet* // *Heidegger M. Gesamtausgabe*. Bd. 34. Frankfurt am Main, 1984 (см. гл. IV и V).

⁵ См.: *Ibid.* S. 129 u. ö.

нескрываемость есть уже отрицание, поэтому вряд ли она в качестве чего-то позитивного могла бы выдвигаться прогив не-истины, имеющей негативный характер. Даже если не-истина понимается как ложь и есть нечто сугубо негативное, ее сущность не может заключаться в простом отрицании истины, поскольку она в различных своих вариациях способна осуществлять присущую ей собственную силу.

Важно здесь еще раз отметить, что истина в плане нескрываемости и не-истина в аспекте скрываемости не есть просто противоположности. Характер «не» принадлежит как тому, так и другому; т. е. истине как несокрытости, но, с другой стороны, также не-истине в смысле ложности и чему-то необоснованному как тому, что стоит против истины. Для не-истины у греков есть технический термин τὸ ψευδός, который не имеет негативного характера. По отношению к истине в смысле ἀλήθεια значение слова ψευδός проистекает из особенного фундаментального опыта, который не связан только с опытом скрывания и укрытия. Слово ψευδός возникает из совершенно другого корня, чем термин ἀλήθεια. У самого Платона истинное сопоставляется с не-истинным, которое характеризуется термином ψευδός.

Отметим в связи с этим, что, когда мы говорим «псевдоним», обычно это понимается как ложное имя. Но с не меньшим правом мы можем сказать, что автор всегда должен иметь возможность публиковать свой труд под другим именем, призванным защищать его собственное имя, что способствует укрыванию реального автора. Поэтому псевдоним есть имя не ложное или неправильное, а прежде всего имя скрывающее; т. е. самое что ни на есть «правильное», но в том укрывающем и потаенном смысле, который хранит не только настоящее имя автора, но и самого автора сочинения от любой неприятности или опасности. Ясно, что ψευδός в его фундаментальном значении есть искажение; но ψευδός есть также и обман. Однако мы способны видеть открытое нам только потому, что всегда имеют место скрытое и скрывание, которые в деле получения истинного знания играют свою роль и существенно принадлежат знанию в плане постижения истины.

Для истины, которая обозначается термином ἀλήθεια, корневым оказывается слово λήθη. Такие слова, как λήθη, λάθω, λανθάνω, ληθοῦμαι, вращаются вокруг фундаментального значения скрытого и остающегося скрытым сущего, но с одним решающим изменением, которое следует реально сохранить, чтобы с наибольшей полнотой постигать подлинное значение истины как ἀλήθεια. Это решающее изменение заключается в том, что λήθη в основной своей части понимается еще как забвение, которое означает удаляемость сущего. Как

'αλήθεια сначала относится к открытости сущего, так и ληθη относится сначала к скрываемости сущего, а не к забвению как некоторого рода опыту или какому-либо субъективному условию. Непотаенность относится к несокрытости сущего самого по себе, тогда как ληθη есть также удаление и ускользание сущего, которые имеют характер объективного события. Как раз удаление и есть основание того, что восприятие уже более не может направлять себя к самому по себе сущему. Важно здесь отметить, что изначальный смысл слова αὔνοια (неведение, незнание) есть следствие ληθη, но не наоборот.

Чтобы прояснить значение слова ληθη, от которого происходит латинское *Lethe*, обозначающее все еще «реку забвения», следует отметить известную страницу «Истории» Фукидида. Он рассказывает здесь о втором годе Пелопоннесской войны, когда спартанцы осуществили второе вторжение в Аттику и когда чума впервые обрушилась на афинян. В нескольких главах II книги (главы 47–50) Фукидид подробно описывает распространение и последствия этой эпидемии, отмечая слухи, будто пелопоннесцы в Пирее, где не было водопроводов, отравили там цистерны. В конце 49-й главы он пишет: «И если кто-либо выживал, то последствием перенесенной болезни было поражение конечностей: болезнь поражала даже половые органы и пальцы на руках и ногах, так что многие оставались в живых, лишившись этих частей, а иные даже слепли. Некоторые, выздоровев, совершенно теряли память и не узнавали ни самих себя, ни своих близких»⁶.

Слово λήθη в греческом смысле не имеет никакого отношения к так называемому жизненному опыту. Но указанное слово относится к событию судьбоносного характера, которое настигает человека: это то событие, кое присуще всему сущему, коль скоро в земных условиях существования все возникает и рано или поздно исчезает. Все отдельные вещи природного порядка, включая и самого человека, так или иначе удаляются, вовлекаются в скрываемость либо в силу разных причин просто уже отсутствуют.

Бытие всего сущего греки понимали прежде всего как присутствие. Но наиболее серьезная и самая тревожная вещь, которая может случиться с сущим как таковым, — это когда оно утрачивает свою бытийность и оказывается уже отсутствующим; это означает его удаление или устранение, которое может иметь и насильственный характер, если не забывать, скажем, о судьбе Сократа или, но уже в другой

⁶ Фукидид. История // Историки Античности. Т. I: Древняя Греция. М., 1989. С. 311.

связи, о случае с Аристотелем. Однако здесь речь идет не просто о тех или иных мыслителях или обычных людях, но о любом существе как таковом. Когда происходит λήθη с теми или иными вещами, речь идет не просто о скрываемости в смысле сохранения в укрытии⁷, а о полном уходе и удалении. Коль скоро происходит удаление чего-либо, для человека оно становится отсутствующим. Человек помимо своей воли вовлекается в такого рода событие. Удаляемость от человека тех или иных весьма значимых вещей есть не только основа, но и условие возможности того, что люди в присущем им бытийном плане теперь больше не знают ничего даже о самих себе и о своих близких и друзьях. Такого рода άγνοια — это уже больше чем просто незнание. Это означает неспособность направлять себя на познание всего сущего, и это есть последствие λήθη.

Когда древние греки говорили о λήθη, они говорили о скрываемых вещах в смысле их удаления, к которым человек всегда был способен направлять себя в деле познания истины. Но вот речь идет теперь о разрушении классического афинского полиса, его эйдоса, говоря словами Платона. Когда греки говорят, что уходят неизвестно куда самые необходимые вещи, тогда уже никто ничего о них не знает. В это время было известно замечательное изречение Анаксимандра, которое вбирало в себя, по мнению С. С. Аверинцева, «смысловое содержание многих мифов и древних учений, “из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости; ибо они за нечестие свое несут кару и получают возмездие друг от друга в установленное время”. В таком мире бытие всецело и до конца принадлежит вещи, но этому бытию не принадлежит будущее»⁸.

Как раз бытию вещей, принадлежащих и составляющих природу полисной организации общества, будущее уже не принадлежало в связи с формированием метафизики в лице Платона в первую очередь. После Платона и Аристотеля разрушался и древний космос, который, по выражению Платона в «Тимее», есть «чувственный бог». И все это благодаря тому, что после Пелопоннесской войны расширялась и распространялась среди греков пустошь, причем не только внешне, но и внутри самих людей. Поэтому λήθη, которая есть распространение всюду пустоши и опустошения не только в греческом мире, но и внутри самих греков, совершенно неверно переводить в плане всего лишь

⁷ Эпикуру приписывают изречение, что хорошо прожил тот, кто надежно скрывался. Это изречение любил повторять и Р. Декарт.

⁸ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 43.

забвения, причем в смысле субъективно-психологического события. Нужно здесь еще раз отметить, что λήθη означает объективное событие, которое воздействует прежде всего на человека в его собственном существовании, поскольку λήθη наступает и захватывает его, вмешивается в явность являемых вещей. Такого рода объективное событие как удаляемость в отсутствие необходимых вещей и дорогих, особенно близких нам людей, как это имело место в случае Сократа и Платона, есть именно условие того, что уже мало кто знает что-либо, когда речь идет о самом существенном. Отчасти поэтому Платон изгоняет поэтов из своего «идеального» полиса.

В действительности простирая λήθη в смысле забвения важное значение имеет его происхождение, связанное с бедствиями и катастрофами (вспомним Фукидиду и его красочное описание эпидемии чумы). Оставаться скрытым — это фундаментальное значение λήθη даже в смысле забвения. Слово λανθάνω означает, что в своем присутствии я остаюсь скрытым для самого себя и для других. Вспомним VIII книгу «Одиссеи» (83–95)⁹:

Начал великую песнь Демодок; Одиссей же, своею
Сильной рукой широкопурпурную мантию взявши,
Голову сю облэк и лицо благородное скрыл в ней.
Слез он своих не хотел показать феакийцам. Когда же,
Пенье прервав, сладкогласный на время умолк песнопевец,
Слезы отерши, он мантию снял с головы и, наполнив
Кубок двудонный вином, совершил возлиянье бессмертным.
Снова запел Демодок, от внимавших ему феакияи,
Гласом его очарованных, вызванный к пению вторично;
Голову мантией снова облэк Одиссей, прослезясь.
Были другими его не замечены слезы, но мудрый
Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи.

То, что остается скрытым, присутствие нескрываемых вещей, а также открытость человеческих существ, причем как самим себе, так и другим, — все это греки постигали как событие самих вещей, и это событие принадлежит фундаментальному опыту постижения сущего, определяющему само человеческое существование. Когда речь идет о позволении себе быть скрытым, удаляться от других людей, усколь-

⁹ Этот пример относительно скрывания нередко приводит М. Хайдеггер в различных своих работах, разумеется, в собственном переводе. Мы здесь следуем переводу В. А. Жуковского.

зять от кого-либо или чего-либо — это и есть значение забвения в смысле субъективного положения дел. Ослабляется фундаментальный смысл скрываемости, который заключает в себе слово λήθη, поскольку этот смысл редуцируется к удалению и отсутствию. Если истинно относится к присутствующему, а для греков присутствие как раз и есть бытие, то бытие и истина оказываются неотделимы друг от друга. Если сущее подлинно истинно как непреходящее, то истина в изначальном смысле слова ἀλήθεια может сразу означать бытие и присутствие. Мы обычно говорим не задумываясь, что реальное и подлинное истинно есть. Это отношение или даже идентичность бытия и истины далеко не самоочевидны и для самих греков, особенно когда истина обретает характер правильности.

«Истина уже больше не есть в качестве непотаенности основная черта самого бытия, но вследствие ее впряжения в упряжку идеи стала правильностью, отныне и впредь — характеристикой познания сущего». И здесь же такое рассуждение: «С тех пор имеет место стремление к “истине” в смысле правильности взгляда и его направленности. С тех пор решающим во всякой принципиальной позиции относительно сущего становится приобретение правильного воззрения на идеи. Осмысление *найдеи* и изменение существа *алетейи* сливаются в одно и вместе составляют историю перехода из местопребывания в местопребывание, рассказанную в притче о пещере»¹⁰.

Изначальное понимание бытия как постоянного присутствия, можно сказать, в самом истоке такого рода понимания препятствует формированию фундаментального опыта истины как несокрытости, т. е. как развертывания того или иного сущего из его сокровенной глубины. Поскольку греков отличает понимание бытия-как-природы в смысле изначального значения слова φύσις, а природа существует всегда постоянно и определяет все естественно сущее, которое развертывается из ее сокровенной глубины, бытие так же развертывается в неисчислимом разнообразии всего природно сущего. Греческое понимание бытия в смысле неизменного присутствия осуществляет как раз то, что истина в смысле нескрываемости (ἀλήθεια) ослабляется в ее фундаментальном значении. Ослабление осуществляется и завершается редукцией к простой неудаленности и к присутствию как таковому. Однако как раз это ослабление значения фундаментального опыта скрытости и несокрытости способствует возрастанию значения термина ψευδός (ложь, искажение, обман и т. п.), которое имеет совер-

¹⁰ Хайдеггер М. Учение Платона об истине. С. 359.

шенно другой источник, нежели слово λήθη. Но именно ψευδός в плане лжи и искажения получает преобладание в понимании истины как несокрытости, поэтому и подавляется смысл скрываемости (λήθη), в силу чего истина понимается исходя из лжи и искажения, из ψευδέσθαι, т. е. как неискажаемое, как правильная ориентация, как сама по себе правильность¹¹.

Вместе с тем, с другой стороны, ослабляемое значение истины оказывается уже не связанным с понятием бытия, коль скоро в философии Платона бытие понимается как идея, а верховная идея Блага даже и вне бытия. Истина теперь понимается как «быть правильным» в смысле правильного суждения, причем правильность в тех или иных случаях требует обоснованности. Бытие тем самым также понимается как утверждение правильности; другими словами, *есть* на самом деле только то, что правильно утверждается, и бытие таким путем намеренно ориентировано на суждение¹². Явное свидетельство этому — тот очевидный факт, что даже основные характеристики бытия после Аристотеля были названы «категориями», т. е. определениями, которые принадлежат высказываниям. И на этом пути понятие бытия утрачивает свое изначальное и сокровенное значение постоянного присутствия.

Еще раз отметим, что базисная характеристика нескрываемости относится прежде всего к самому природно сущему. Особенным образом это событие нескрываемости принадлежит к истории человека как весьма существенного бытия или существа в его бытийности, заключающей в себе многое в присущей ему потаенности. Нескрываемость вовсе не сохраняется где-то сама по себе или как свойство либо характеристика тех или иных вещей. Бытие выходит из своей сокровенной и неисчерпаемой глубины еще как событие истории человеческого существа, а такое событие нескрываемости сущего, включая человеческую историю, как раз и есть «дескрывание». Мы всегда сталкиваемся с сокрытием, но сокрытие всегда и необходимо существует как событие нескрываемости. Вопрос о сущности истины в метафизике Платона преобразуется иногда в вопрос о не-истине, которая в широком смысле оказывается всегда двусмысленной. Причем не-истина получает различные модификации и прежде всего смысл искажения. Во-

¹¹ На это обстоятельство постоянно обращает внимание М. Хайдеггер (см., в частности: *Heidegger M. Vom Wesen der Wahrheit...* S. 142–144).

¹² Влияние движения софистов на Платона и Аристотеля, не говоря уже о Сократе, пусть даже и косвенное, — несомненно.

прос о не-истине в специфическом значении ложности впервые был развит Платоном в диалоге «Тезтет».

Вопрос о сущности истины в смысле нескрываемости сущего как такового есть также вопрос относительно истории сущности человека в присущей ему жизненной экзистенции. Существование человека основывается на том факте, что ему так или иначе присуще какое-то, пусть даже неявное, понимание бытия, а в силу этого обстоятельства и понимание самого себя как существа, пребывающего в сердцевине всего сущего. Вопрос о сущности истины, будучи также вопросом истории о сущности самого человека, есть сам по себе вопрос относительно бытия как такового, постижение которого делает возможным существование и его понимание. Вопрос о сущности истины как нескрываемости включает в себя вопрос и относительно сокрытости, поэтому также относительно не-истины, понимаемой в самом широком смысле. Такого рода модифицируемый вопрос о сущности не-истины содержит в себе особенное изначальное направление к вопросу относительно самой истории сущности человека. Эта история излагается в последней книге «Государства» Платона, где раскрывается изначальная сущность слова $\lambda\eta\theta\eta$, которое оказывается коренным в слове $\alpha\lambda\theta\epsilon\iota\alpha$ — в отличие от слова $\psi\epsilon\upsilon\delta\acute{o}\varsigma$.

Слово $\lambda\eta\theta\eta$ касается не только сущности человека, но и сущности полисной организации греческого общества. Вот почему миф о $\lambda\eta\theta\eta$, заключающий диалог Платона о полисе, настолько содержателен, что он здесь не может быть полностью реконструирован, тогда как простое изложение излишне, если даже речь идет о более или менее детальной и тщательной интерпретации. Кроме того, следует отметить, что мы лишены надлежащего опыта базисного характера мифа как такового и отношения его к греческой философии в общем и метафизике Платона в частности. Важно выяснить сущность $\lambda\eta\theta\eta$ в этом мифе, который строится и поддерживается диалогом о полисе в целом. В полисе человек получает «назначение» своей жизни, тогда как в условиях беспорядка человек скрывает и не знает своего назначения; он исчезает тем самым, когда намеренно скрывает себя в собственных помыслах и проектах, удаляя себя из полиса, как это было в случае Алкивиада.

Скрываемое в полисной организации жизни так или иначе раскрывается. Вне полисного порядка человек неизбежно заблуждается, поскольку любой его путь вне полиса всегда будет для него чуждым, а сам он будет человеком отчужденным. Вот почему Сократ отказался от спасения бегством из заключения, из знакомой и родной ему «пе-

щеры». Ясно, что пребывание человека в полисе имеет временной характер. Это есть наполненный зримостью путь, ведущий к своему концу и затем выходящий за пределы земного пребывания. Путь во времени человека в полисной жизни, т. е. через сущностное место своей истории, не исчерпывает его путешествие, говоря более обще, его бытие. Согласно Платону, переход человека через βίος, земной ход жизни, — не единственный. После определенного времени человек может снова возвратиться к земной жизни, но уже в новой форме, чтобы начать в жизни какое-то иное направление. Мы не будем здесь говорить о концепции «перевоплощения», чтобы сохранить горизонт греческого мышления. Даже после смерти в земном пребывании бытие человека не завершается окончательно. Другими словами, в соответствии с сущностью самого человека даже после его земной смерти его бытие в некотором плане остается присутствующим. Поэтому постижение Платоном полиса в конечном счете достигает следующего вопроса: «...что ждет... справедливого и несправедливого человека... после их смерти»¹³.

Что остается вокруг каждого, справедливого и несправедливого, когда он закончил свой земной путь? Что его окружает, когда он из полисного пребывания удалился куда-то «туда» (εκεῖ)? В какое окружение он попадает до того, как начнет новый путь, причем уже снова в своем жизненном пребывании? Эти вопросы неизбежны, если мы желаем понять миф Платона относительно λήθη. Изначальная контр-сущность истины как ἀλήθεια есть λήθη, т. е. не приметное сокрытие и удаление из явного присутствия, которое рано или поздно завершается забвением. И последнее слово греков — λήθη в его подлинной сущности — как раз и есть миф, заключающий диалог Платона о полисе. Каждый отдельный и действительный полис случается в земном пребывании человека «здесь» и «теперь». Человеческий путь жизни проходит через определенный кругооборот, поскольку пониманию бытия-как-природы присуще циклическое мышление. Кругооборот человеческой жизни ограничивается в своем топосе и времени. Земной жизненный путь в этом кругообороте (περίοδος) есть путь, ведущий к смерти (θάνατος).¹³

Земной путь заканчивается, но это не есть путь бытия самого человека. Смерть инициирует переход от здешнего пребывания (εὐθαδέ)

¹³ На миф Эра, сына Армениа, в X книге «Государства» Платона обращают внимание многие авторы. Мы в своих рассуждениях опираемся в основном на М. Хайдеггера: *Heidegger M. Parmenides // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 54. Frankfurt am Main, 1982.*

к удалению «туда» (εκεῖ). Такой переход — это начало нового путешествия, которое потом снова ведет к очередному кругообороту. Поэтому возникает следующий вопрос: «В какое окружение попадает человек там, что могло бы сохраниться для него после того, как он достиг окончания настоящего смертного пути здесь, на земле?» В христианском мировосприятии это всегда есть вопрос «свыше». В силу многих обстоятельств опасность сознательной или бессознательной христианской интерпретации мысли Платона оказалась неминуема. Мысль Платона довольно рано благодаря Филону вошла в круг эллинистических интерпретаций. Она прежде всего с помощью Августина вовлекается в христиански-неоплатоническое истолкование и с тех пор всегда сохранялась там в самых различных вариациях. Греки стали «язычниками» только в терминах христианской оценки. Но даже помимо различия между христианами и язычниками философия Платона мыслится всегда в терминах платонизма; и как раз это обстоятельство М. Хайдеггер называет «проклятием» для мысли Платона во всей последующей истории.

Платон проводит явное различие между «здесь» и «там». Греческое «там» (εκεῖ), впрочем, как и «здесь» (εἰςθαδε), существенно не вписывается в христианское мировосприятие, поскольку древние греки имели совершенно иной опыт бытия, чем христиане. Мы обнаруживаем себя беспомощными перед Аидом (или Гадесом), так называемым подземным миром и «теньями», которые «там» пребывают. Еще раз отметим, что греческое различие между тем, что есть здесь, и тем, что есть там, основано на присущем грекам особенном и неповторимом опыте бытия как такового. Отсюда и возникает, можно сказать, совершенно принудительный вопрос: как Платон, мыслитель высшего уровня и ранга, может требовать от нас знать что-либо вообще о том, что имеет место «там»? На вопрос, что же все-таки окружает тех, кто уже завершил свой смертный путь здесь, т. е. о том, что все-таки там сохраняется, Платон отвечает с помощью мифа. Рассказывая притчу о пещере, Платон не только намечает основные черты метафизики, но предвосхищает и само слово «метафизика». «Там, где он рисует привыкание взгляда к идеям, Платон говорит: мысль идет детективом, “за пределы” того, что воспринимается лишь тенеобразно и отобразительно...»¹⁴ Такое созерцание не только вызывает изменение существа *алетейи*, но и требует от человека *пαιδείης*, т. е. воспитания и образования (выражающегося в определенной нравственной пози-

¹⁴ Хайдеггер М. Учисис Платона об истине. С. 360.

ции, в заботе о спасении души, в развитии творческих сил, в пробуждении общественного сознания, в телесной дисциплине и т. д.). Фиксируемый в философии Платона переход от понимания истинного как несокрытого к пониманию существа истины как правильности представления становится, таким образом, судьбой всей европейской мысли вплоть до «нового Нового времени мировой истории земного шара»¹⁵.

¹⁵ Там же.